УДК 130.2:2-264

Л. О. Свиридова

Мифологема «сад» в восточнохристианской культуре

Образы восточнохристианских письменных памятников: Христос-садовник, Древо Креста, Богородица – Невозделанный сад, рай и др. рассматриваются в данной статье как обусловленные глубинными семантическими пластами мифологемы «сад», зафиксировавшей идею границы, огражденного пространства.

Ключевые слова: восточнохристианские письменные памятники, гимнография, мифологема сад, семантика, мифопоэтическая образность

Lyubov O. Sviridova

Mythologem «garden» in East Christian culture

Images of East Christian manuscripts: Christ as the Gardener, the Tree of the Cross, Our Lady as a uncultivated garden, Paradise and others are discussed in this article as being caused by deep semantic layers of mythologem «garden», which fixing the idea of borders, fenced space.

Keywords: East Christian manuscripts, hymnography, mythologem garden, semantics, mythopoethic imagery

В современном гуманитарном знании понятие «мифологема» оказалось востребованным специалистами различных специальностей. Для нас наиболее интересен подход лингвокультурологов, которыми данный термин используется наряду с терминами «концепт», «логоэпистема» и предполагает обозначение лексического знака символического характера. За данным определением стоит научный метод, нацеленный на анализ текстов культуры, имеющий своими минимальными значимыми единицами семантически насыщенные знаки. Главным образом речь идет об анализе языковых явлений с точки зрения мифологического сознания, что является областью исследования мифолингвистики.

Кроме того, упомянем, что мифологема наряду с архетипом рассматривалась как ментальная структура, первообраз коллективного бессознательного в трудах К. Юнга[1]. Исследователь мифологического мышления К. Леви-Стросс предлагал термин «мифема» для обозначения элементарной языковой единицы мифа[2]. Это не просто структурная составляющая мифа, но смыслоемкая единица, аккумулирующая мифологическое содержание.

В данной статье мы рассмотрим мифологему «сад» в канонических и постканонических памятниках восточнохристианской письменности. Нами будут привлечены также памятники восточнохристианской иконографии.

В первую очередь необходимо вспомнить текст канонического Евангелия от Иоанна, повествующий о встрече Марии Магдалины с воскресшим Христом. Напомним, что Мария принимает Спасителя за садовника: «Сказал ей Иисус: „Женщина, что ты плачешь, кого ищешь?". А она думала, что это садовник» (Ин. 20, 15). Магдалина «ошибается» неслучайно: евангелист повествует, что гробница, куда положили Тело Иисуса, была приготовлена именно в огражденном саду: «И был на месте, где Он распят, сад, и в саду – новая гробница» (Ин. 19, 41). На церковнославянском языке слово «сад» – вертоград, а «садовник», возделыватель сада – вертоградарь.

В тексте религиозного содержания, в частности гимнографическом тексте, источником сюжета нередко выступает имя или заменяющее имя определение, что отсылает нас к мифологической концепции А. Ф. Лосева: «миф – развернутое магическое имя»[3]. В контексте данной статьи таким источником является именование Христа – вертоградарем.

Другое направление гимнографической образности, в котором открываются новые смыслы, – тексты, посвященные Кресту: «О! Преславное чудо! Живоносный сад, Крест пресвятой, на высоту воздвигаемый, является ныне!»[4]. Здесь словом «сад» переведено греческое слово «φυτόν», обозначающее насаждение, посаженное и взращенное (дерево)[5], т. е. Древо Креста ассоциируется с Древом Жизни Книги Бытия, а славянский переводчик использует слово «сад». Мы видим здесь параллель с библейским образом – один из постоянных приемов гимнографии.

С этим же приемом мы сталкиваемся и в следующем тексте, отсылающем нас к образу рая, из которого истекают четыре реки: «Христос, из живоносного Твоего ребра – словно источник, из Эдема истекающий (Быт. 2, 6), поит церковь Твою, как словесный сад. Отсюда, как из Первоначала, разделившись (подобно райским первозданным рекам) на четыре Евангелия, он

поит мир и веселит все творение»[6], т. е. источником четырех райских рек – евангелий в тексте названо прободенное на Кресте ребро Спасителя. А Крест, соответственно, ассоциирован с древом у райского источника.

Эта идея богатейшим образом иллюстрирована: изображения процветшего Креста, обрамление Креста растительным орнаментом, ветвями и цветами – один из древнейших и разработанных элементов христианской художественной культуры, важнейшее направление которой – ставрография.

Согласно Книге Бытия, мир начался с того, что Бог буквально создал сад и поставил первозданного человека именно садовником в райском саду: «И насадил Бог рай на востоке, в Эдеме, и ввел в него человека, которого создал <…> и ввел человека в рай сладости, чтобы тот возделывал и хранил его» (Быт. 2, 8), т. е. чтобы тот был «вертоградарем» космоса. В гимнографических текстах подлинным Садовником предстает Спаситель, а сад Креста или сад Голгофы воспевается как обновленный райский сад.

Однако не только распятие и воскресение Христа, но и рождение Его тоже связано с символикой райского, эдемского сада, о чем свидетельствует, например, икос канона Рождеству Христову: «Вифлеем открывает (затворенный) Эдем – придите к созерцанию сладости, придите, вновь примем подлинно райское, (явленное) внутри пещеры»[7].

Весьма любопытно, что составитель этимологического словаря Макс Фасмер подтверждает родство слов «верт», «вертоград» и «вертеп», указывает на возможность их вторичного сближения и объясняет эту родственность семантически: пещера, как и сад, это тоже потаенное, «огороженное» (толщей горы) место[8], врата в иное пространство, пространство иного мира.

Известно, сколь значимы категории «пространство» и «время» в конституировании мифопоэтической картины мира. Сад в этом контексте, согласно этимологии церковно-славянского слова «вертоград», предстает особым огороженным пространством, центральным скрытым местом. Что позволяет нам рассмотреть мифологему «сад» как одно из проявлений рефлексии на тему границы, ограждения. Тему, которая отсылает нас к глубокой архаике, когда в языке закреплялись образы, связанные с отделением обитаемого людьми мира, освоение пространства, моделирование мира, с одной стороны, и к идее преодоления границы, вхождения в новое пространство, как суть всякой инициации (согласно концепции А. ван Геннепа[9]) – с другой.

Данный пространственный локус – «сад», «верт», огороженное место, пещера, маркирует время начала и конца жизни Христа. Как известно, именно пещеры с глубокой древности были местами проведения ритуалов, инициатических практик и погребений[10]. Пребывание на границе миров, это пребывание в особом, инициатическом, экстатическом состоянии[11].

Чтобы подчеркнуть важность темы, затрагиваемой нами, сравним наши наблюдения с фундаментальным выводом исследователей мифологических структур в литературных текстах С. З. Агранович и С. В. Березина: «Культура человечества в конечном итоге оказывается постоянной коллективной, а впоследствии и личностной рефлексией по поводу границы»[12].

Образ сада обнаруживается и в гимнографической метафорике, относящейся к Деве Марии. Богоматерь Сама называется садом невозделанным, садом заключенным, раем: «Богородице, ты сама – невозделанный рай, который возрастил Христа. Христом же крестное и живоносное на земле насаждено было Древо, которое ныне возносится нами. Поклоняясь Кресту – Тебя величаем»[13]. Данная метафорика позволяет гимнографу воспеть тайну девства Богородицы, а образ невесты-сада восходит и к тексту Песни Песней: «Запертый сад – сестра моя, невеста, заключенный колодезь, запечатанный источник; рассадники твои – сад с гранатовыми яблоками, с превосходными плодами» (Песн. 4, 12–13).

В восточнохристианской иконографии изображение сада встречается на иконах Страшного суда. А в дальнейшем, возможно, сюжет Богородицы с младенцем в райском саду разрабатывается в иконографии, известной в русской иконописи с XV в. «О Тебе радуется». Названа данная икона по первым строкам песнопения, написанного Иоанном Дамаскиным, наименовавшим Богородицу в этом тексте «раем словесным». Более поздним продолжением развития данной темы является хранящаяся в собрании Третьяковской галереи икона 1670-х гг. Никиты Ивановича Ерофеева Павловца «Образ Пресвятыя Богородицы Вертоград Заключенный». Сад изображен в виде регулярного насаждения, что типично для садов того времени.

Не только Богоматерь, но и Церковь называется в гимнографии виноградом, насаждением. Этот псаломский образ – «Праведник процветет, как пальма, возвышается подобно кедру в Ливане. Насажденные в доме Господнем цветут во дворах Бога нашего» (Пс. 91, 13–14) – усваивается гимнографами.

Таким образом, мы приходим к выводу, что мифологема «сад» связана с идеей границы, огороженного, особого пространства, и эта семантическая связь зафиксирована в восточнохристианских письменных памятниках на уровне

языка. По нашему мнению именно этот архаический глубинный семантический пласт делает мифологему «сад» чрезвычайно значимой для передачи христианского содержания, источником образов Христа Вертоградаря, Крестного Древа, Церкви насаждения, Богоматери – невозделанного заключенного сада.

Примечания

[1] Юнг К. Г. Душа и миф: шесть архетипов. URL: http: // knigger. org (дата обращения: 06.02.2017).

[2] Леви-Стросс К. Структурная антропология / пер. с фр. Вяч. Вс. Иванова. М.: Эксмо-Пресс, 2001. С 219.

[3] Лосев А. Ф. Самое само: сочинения. М.: Эксмо-Пресс, 1999. С. 386.

[4] Стихера утрени Воздвижения Честнаго Креста Господня.

[5] Скабалланович М. Н. Воздвижение Честнаго и Животворящего Креста Господня. Киев: Пролог, 2003. С. 130.

[6] Итихера на «Блаженны…» утрени Великого Пятка.

[7] Икос канона Рождеству Христову.

[8] Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева; под ред. и с предисл. Б. А. Ларина. М.: Прогресс, 1986. URL: http: // etymolog. ruslang.ru (дата обращения: 06.02.2017).

[9] Геннеп А., ван. Обряды перехода: систематическое изучение обрядов / пер. с фр. Ю. В. Ивановой, Л. В. Покровской; послесл. Ю. В. Ивановой. М.: Вост. лит., 2002. 198 с.

[10] Изображение пещеры весьма часто встречается в древнерусской иконописи, в частности на иконах Рождества Христова, Воскрешения Лазаря, Жен-мироносиц у гроба Господня.

[11] Характер данного состояния впоследствии ярко будет воплощен в русской поэзии Серебряного века:

Как бронзовой золой жаровень,
Жуками сыплет сонный сад.
Со мной, с моей свечою вровень
Миры расцветшие висят.
И, как в неслыханную веру,
Я в эту ночь перехожу…

Борис Пастернак

И я выхожу из пространства
В запущенный сад величин
И мнимое рву постоянство
И самосознанье причин…

Осип Мандельштам

О, как чутко, о, как звонко
Здесь шаги мои звучат!
Легкой поступью ребенка
Я вхожу в знакомый сад:
Слышишь, сказки шелестят?

Максимилиан Волошин

[12] Агранович С. З., Березин С. В. Homo amphibolos: археология сознания. Самара: Бахрах–М, 2005. С. 135.

[13] Ирмос 9-й песни канона Крестовоздвижению.